

С. А. СОЗИНА

ВЕЛИКИЙ ИНДЕЙСКИЙ ПОВСТАНЕЦ ТУПАК АМАРУ*

Часть вторая

КРОВАВАЯ ВАКХАНАЛИЯ

«Много храбрых солдат идут на нас. Нам не остается ничего другого, как умереть».

Из письма Тупак Амару жене Микаэле.

Верные Тупак Амару командиры продолжали вооруженные схватки с противником: так, Диего Кристоаль 11 февраля 1781 г. пытался, правда неудачно, взять приступом крепость Паукартамбо, близ Куско, на юге Исидро Мамани и Андрес Ингарикона подавляли сопротивление роялистов в районе озера Титикака. Однако эти военные акции носили локальный характер. Сам Тупак Амару в это время реорганизовывал армию, набирая новых добровольцев, добывал оружие, укреплял Тинту, разбив вокруг нее военный лагерь на 60 тыс. человек.

Сменив наступательную тактику на оборонительную, Тупак Амару допустил стратегический просчет. Опасность надвигалась с севера, из Лимы. 23 февраля в Куско прибыла основная часть правительственных войск, во главе которых стояли маркиз дель Валье и генеральный визитадор Арече. Испанское командование немедленно приступило к разработке плана наступления. Одновременно вице-король Ла-Платы Хосе де Вертис открыл новый, восточный фронт против повстанцев и координировал свои усилия с действиями вице-короля Перу. 15 января он издал указ, в котором повелел для «искоренения пагубного источника всех бед ... снять голову с восставшего Хосе; оценить ее в 10 тыс. песо серебром; тому же, кто возьмет его живым, заплатить 20 тыс... Если же это сделает кто-либо из его сторонников, тот, помимо денежного вознаграждения, получит прощение всех своих грехов и избежит положенного наказания»¹. 5 марта подобный же указ был вывешен в Куско. Автор его — главный каратель Арече — обещал пенсию 80 песо в месяц (жалованье капитана) до конца жизни тому, кто выдаст Тупак Амару и ближайших его сподвижников.

В тот же день Тупак Амару направляет письмо Арече. Этот потрясающий документ, занимающий 10 страниц, показывает во всем величии духовный облик замечательного индейского вождя. Обратившись к генеральному визитадору как личному представителю испанского короля, как к истине в последней инстанции, он призвал его судить по справедливости о положении в стране:

«Когда слух о смерти Антонио Арриаги, коррехидора этой провинции, достиг г. Куско... я вел переговоры с сеньорами этого славного кабилдо, я добивался мира и спокойствия ради блага этой Америки. Моим желанием не было ни обижать, ни тревожить его жителей... Мое сердце не так жестоко и черство, как сердца тиранов-коррехидоров и их приспешников... Я сознавал тот огромный ущерб, который нанесет

* Окончание. Начало см. № 3, 1973 г.

¹ M. de O d r i o z o l a. Documentos históricos del Perú en las épocas del coloniaje despues de la conquista y de la independencia hasta el presente, t. I. Lima, 1863, p. 137.

городу мое могущество, чтобы не следовать примеру Тита и Веспасиана, разрушивших Иерусалим... Итак, решил я отступить, что продолжается и по сей день, и хотя меня преследуют с разных сторон, подвергают разным испытаниям, не хочу я заботиться о своей защите... Я не делаю тайны из своих намерений, а говорю только чистую правду, как она есть».

В чем же заключалась правда восставшего инки? Вновь и вновь обличает он коррехидоров, кровоточащую язву колониального Перу. Обращаясь к библейской истории, он восклицает: «Скромный юноша, вооруженный палкой и пращей, и простой пастух, вдохновленный божественным провидением, освободили страждущий народ Израиля от власти Голнафа и Фараона.. Но мы, несчастные индейцы, пролившие еще больше слез и испытавшие еще большие страдания, за столько веков не смогли добиться хоть какого-нибудь облегчения... Добро бы Фараон, который нас преследует, унижает и уничтожает, был бы один, но их много, несправедливых и с сердцами столь развращенными, как коррехидоры, их заместители, сборщики налогов и прочие крючкотворы, люди поистине дьявольские и порочные, словно родились они в мрачном адском хаосе и вскормлены были на груди самых неблагодарных гарпий; настолько они бесчеловечны, жестоки и деспотичны, что говорить об их отвратительных поступках — значит в высшей степени прославлять действия Нерона и Аттилы».

Тупак Амару не только прибегает к историческим аналогиям, но и приводит факты: «Покойный Арриага... продал нам товаров более чем на 300 тыс. песо, согласно книгам учета, находящимся в моем распоряжении. Тариф же для этой провинции — 112 тыс. на все пятилетие (его правления.— *С. С.*)... коррехидор провинции Чумбилькас похвалялся, что за два года хочет выручить больше, чем его предшественник добыл за пять лет. И так поступает каждый... Асендадос обращаются с нами хуже, чем с рабами, заставляя нас работать с двух часов утра до полуночи, когда загораются первые звезды...».

Вновь затрагивает Тупак Амару наболевший вопрос, которому он всю жизнь придавал незаслуженно большое значение: добиться того, чтобы пресловутые «Законы Индий» перестали, наконец, пылиться на полках королевской канцелярии и начали претворяться в жизнь: «Не хотим, чтобы нами управляли с помощью кастильских законов... а только нашими собственными — королевскими указами, выработанными для наших королевств (т. е. колониальных владений.— *С. С.*) и предназначенными для нашего блага...».

«Как гласят законы 8, 9, 10..., в случае восстания, даже если оно будет направлено против королевской короны (настоящее таковым не является, а направлено против продажных коррехидоров, разъяняет инка), нас должны спокойно призвать к миру, без войны, грабежа и смертей... Какую же мягкость, какое стремление к миру проявили до сего дня к нам?.. Нас убивают, как собак, как будто бы мы не христиане, бросают наши тела в полях на прокорм стервятникам, убивают наших жен и детей на груди матерей. Разве грабить нас — это способ призвать нас к миру и к покорности королевской короне Испании? Опубликовать указ о прощении одних и наказании других — это и есть путь умиротворения народов?», — гневно вопрошал инка. Он выражал страстную уверенность в том, что именно повстанцы, «убивая коррехидоров и их приспешников, оказывают огромную услугу его величеству» и поэтому они «достойны награды и всякого расположения».

«Однако, уж так повелось, что в наших краях во всем виноваты индейцы, — продолжает Тупак Амару. Если так, — накажите меня одного, как единственного виновного, и не расплачивайтесь невинными за дело, начатое мною... Если героические действия, предпринятые мной с угрозой для жизни, во имя облегчения участи бедных жителей провинции... есть преступление — я здесь, покажите меня, но оставьте жизнь другим»², — вновь повторяет индейский вождь, словно предчувствуя реки крови, которыми затопит страну его «высокопочтенный» адресат.

Письмо к Арече было последней попыткой Тупак Амару убедить колониальные власти в необходимости, законности и правомерности своих действий. Ответное письмо генерального визитадора, беспощадное и издевательское, — тот объявил его «врагом бога и короля» и выразил уверенность, что вскоре увидит кандалы на руках и ногах Тупак Амару, — не внушало никаких иллюзий: переговоров не будет, не будет никому

² Ibid., p. 144—145.

прощения, а будет война, война не на жизнь, а на смерть Оставалось сражаться до конца. С 4 до 11 марта 1781 г. из Куско на юг начали выходить отряды, составившие внушительную карательную армию в 17 тыс. человек. Разделившись на шесть колонн, они должны были разными маршрутами приблизиться к провинции Тинта и окружить ее со всех сторон. 18 марта инка передал испанскому главнокомандующему: поскольку следующий день — праздник святого Хосе, он считает его подходящим для решительной схватки в честь святого, покровительствующего обоим (маркиз дель Валье был тезкой Тупак Амару). Однако это был лишь искусный маневр. Испанский отряд весь день и ночь тщетно ждал нападения; между тем индейские воины исчезли, чтобы нанести удар неожиданно и в другом месте. Но предатель-перебежчик вероломно выдал план Тупак Амару, и повстанцы потеряли инициативу. Испанцам удалось ускользнуть от тщательно подготовленного удара. Вскоре смертоносная петля медленно, но неумолимо стала затягиваться вокруг провинции Тинта. Роялисты навязывали повстанцам сражение в невыгодных для них условиях. Тупак Амару принял решение покинуть Тинту и отступить в южные предгорья, где позиции его были значительно сильнее.

Однако осуществить этот план ему не удалось. Войдя в Тинту, маркиз дель Валье первым делом приказал повесить 67 сторонников Тупак Амару, не успевших скрыться. Их отрубленные головы были надеты на колья и выставлены вдоль дороги для всеобщего обозрения. Так началась кампания беспощадного террора, которым роялистские силы хотели устрасить страну. Немедленно были высланы разъезды для поимки Тупак Амару, его семьи и обоза, где, по словам предателей, были деньги, серебро, золото и драгоценные камни. Вскоре Микаэла Бастидас, два ее сына и ближайшие помощники были схвачены на дороге, ведущей в Ла-Пас.

Последние дни пребывания восставшего инки на свободе были отмечены подлым предательством. Как свидетельствует донесение, составленное в Тунгасуке 7 апреля 1781 г. одним из очевидцев пленения инки, это случилось так. После неудачного сражения близ г. Сангарарá Тупак Амару и ближайшее его окружение были вынуждены бежать. «Верхом на коне он быстро поднялся до самой вершины горы с тем, чтобы спуститься по противоположному склону и перебраться вплавь через реку Комбанату. Однако 18 мулатов из пехотного ополчения Лимы, предупрежденные индейцами-перебежчиками о его намерении, пустились за ним вдогонку со всей прытью, заинтересованные в его поимке с тем, чтобы получить 20 тыс. песо, которые начальство обещало тому, кто приведет его живым». Мулаты захватили одного из капитанов Тупак Амару, следовавших за ним, тот за обещание сохранить ему жизнь решил выдать инку и предложил солдатам, чтобы «они в полной тишине следовали за ним, пока он не догонит вождя. Немногим более чем через поллиги капитан догнал Тупак Амару, и, пока тот обсуждал вместе с ним отчаянное свое положение, мулаты напали на него и привели в наш лагерь»³. Имя человека, выдавшего Тупак Амару испанцам, удалось узнать, хотя оно и тщательно скрывалось властями. Это был метис из Куско Франсиско Санта Крус.

Ценой жизни вождя предатель решил купить себе позорную свободу и прощение «страшного греха» — участия в восстании.

К 7 апреля 1781 г. в руках роялистских властей оказались вождь повстанцев Тупак Амару, его жена Микаэла Бастидас, двое сыновей — старший, 20-летний Иполито, активно участвовавший во всех боевых кампаниях отца, и младший, совсем еще мальчик, Фернандо, замечательная женщина индианка Томаса Кондемайта, правительница индейцев Акоса, горячо преданная делу восстания, близкие родственники Тупак Амару, его секретари, 32 боевых командира, в числе которых были креолы, негры, метисы.

Ареста удалось избежать сводному брату Тупак Амару — опытному воину Диего Кристобалью, сыну Мариано, племянникам Андресу Мендигуре и Мигелю Бастидасу, верным помощникам плененного инки. Именно они подхватили знамя восстания, выпавшее из рук Тупак Амару, и достойно продолжили его освободительное дело.

Под усиленной охраной пленников отправили в Куско. Визитадор Арече, которому не терпелось взглянуть на поверженного врага, выехал встречать его в Уркос,

³ J. Cornejo Bouroncle. Túpac Amaru. La revolución precursora en el emancipación continental. Cuzco, 1963, p. 322—323.

в 40 км от столицы. 14 апреля 1781 г. печальная процессия появилась на улицах города, оцепленных вооруженными солдатами. Окна и балконы были полны зеваками: роялисты торжествовали. Хосе Габриэль Тупак Амару ехал верхом на муле с непокрытой головой, «чтобы все его узнали». Ноги его были закованы в цепи. За ним следовали жена и ближайшие сподвижники. Первое, что увидели пленники, была виселица, установленная около иезуитского колледжа, в котором когда-то учился Тупак Амару. По распоряжению Арече инку разлучили с его близкими и всех по отдельности посадили в сырые подвалы иезуитской коллегии, временно превращенной в тюрьму.

Колониальные власти поспешно взялись за организацию судилища над пленными повстанцами. Тупак Амару, до самого конца веривший в человеколюбие, гуманность и высокую справедливость королевской власти, получил последнюю возможность представить себе ее истинное лицо. Варварскую жестокость, садизм, изуверство проявили палачи Тупак Амару во время расправы над ним и его сторонниками. Сначала Тупак Амару и его жену подвергли пристрастнейшему допросу. Однако ни сам инка, ни его мужественная подруга не раскрыли ни одной тайны, не выдали ни одного имени, которое уже не было бы известно испанским властям. Тогда его подвергли пыткам. К нему приходили на рассвете, когда, по палаческим канонам, человеческий дух и воля ослабевают, теряя способность к сопротивлению. Ему раздробили суставы плеч и рук, но инка не издал ни стоны, не произнес ни звука. Правая его рука безжизненно повисла, она была почти оторвана. Арече, постоянный свидетель пыток, вынужден был признать: «Дух и натура этого человека необычайно крепкие, а выдержка несоизмерима ни с чем»⁴.

Тупак Амару умел бороться до конца. Нет, он не ждал смиренно смертного часа. Согласно одному сообщению, он уговаривал стражника передать на волю письмо, написанное вместо чернил собственной кровью на лоскуте от рубашки. В другой раз просил солдата из охраны принести ему ножовку, чтобы перепилить цепи, пообещав взамен указать место, где спрятано много сокровищ⁵. Однако две недели пыток, перекрестных допросов, очных ставок сделали свое дело. 2 мая 1781 г. Тупак Амару нашли в столь тяжелом состоянии, что власти испугались, как бы он не умер до казни. Спешно завершается «слушание дела», 15 мая составляется обвинение. Приговор гласил: смертная казнь инке, его жене, сыну, дяде и пяти ближайшим сподвижникам. Способы казни для каждого из осужденных были «продуманы» с методичной жестокостью. Приговор производил столь чудовищное впечатление, что даже вице-король Ла-Платы отказался опубликовать его текст в своих владениях. «Едва ли в каких-либо варварских анналах можно найти документ, сходный с этим по его зверской развращенности и невероятному скудоумию, тем не менее это плод воображения испанского чиновника каких-нибудь 80 лет назад», — писал в середине XIX в. известный английский историк Клемент Маркхэм⁶.

В пятницу 18 мая 1781 г. на главной площади Куско разыгралась палаческая оргия. Около виселицы поставили вооруженную стражу. Одного за другим вывели осужденных, каждого из них посадили в мешок, привязанный к хвостам спаренных лошадей, и в таком виде выволокли на площадь. Первыми поднялись на эшафот Хосе Бердехо и Андрес Кастело, креолы, боевые командиры инки, а также Антонио Бастидас, брат жены Тупак Амару, и самбо Антонио Облитас, казнивший коррехидора Арриагу. Их «просто» повесили. После них наступила очередь Франсиско Тупак Амару, 80-летнего старца, дяди инки, и старшего сына инки Иполито. Палачи сначала вырвали у несчастных языки и только потом окровавленных гарротировали (удушили). Томасу Кондемайту ожидала другая участь, ее удушили с помощью железного кольца, привязанного к колесу, орудия пытки «доселе здесь невиданного».

Затем взяли Микаэлу Бастидас. Палач попытался было отрезать ей язык, но тщетно. Микаэла сопротивлялась с таким упорством, что это удалось сделать только после ее смерти. Да и сама смерть отступилась было от этой удивительной женщины. Как свидетельствуют очевидцы, шея ее была настолько тонка, что «гаррота себя не оправдала». Тогда озверевшие палачи растоптали свою жертву на месте.

⁴ B. L e w i n. La insurrección de Túpac Amaru. Buenos Aires, 1963, p. 25.

⁵ L. E. F i s h e r. The Last Inca Revolt, 1780—1783. Norman, 1966, p. 221.

⁶ Cl. M a r k h a m. The History of Peru and India. London, 1862, p. 125.

Непоколебимому индейскому вождю, стоически выдержавшему изуверские пытки на предварительных допросах, была уготована самая мученическая участь: ему пришлось сначала пережить страшную смерть близких и друзей и только после этого принять смерть самому. Его вывели в центр площади, вырезали язык и бросили лицом на землю, затем сняли ручные и ножные кандалы. Далее произошло нечто ужасное и «совершенно неслыханное». Руки и ноги Тупак Амару привязали к четырем лошадям, которых со всей силой погнали в разные стороны. Один из свидетелей этой казни писал: «Не знаю, то ли лошади были слабые, то ли индеец, действительно, был сделан из железа, но разорвать его оказалось совершенно невозможным, долгое время его раздирали в противоположные стороны, и временами он повисал в воздухе подобно гигантскому пауку. Только тогда визитадор (Арече из окна иезуитского колледжа наблюдал сцену казни.— С. С.) из сострадания (!), дабы прекратить мучения этого несчастного, повелел ему отрубить голову»⁷. В то же время он приказал арестовать чиновника, который не обеспечил для казни «подходящих» лошадей.

Казалось бы, эти истязания могли удовлетворить самую изуверскую фантазию, но нет, до конца еще было далеко. Тело Тупак Амару перенесли на эшафот и отсекли от него руки и ноги. То же самое проделали и с телами других казненных. Однако и на этом постыдное зрелище не закончилось — среди присутствовавших была еще одна жертва — 10-летний Фернандо, младший сын Тупак Амару. Его, закованного в кандалы, заставили смотреть на предсмертные мучения родителей, затем провели под виселицей и осудили на вечное изгнание.

Изуродованные тела Тупак Амару и Микаэлы были выставлены на обозрение на вершине горы Пикчу, с которой еще недавно индейский вождь атаковал Куско. Затем тела их были брошены в костер, и пепел развеян по ветру. Более 30 перуанских городов и селений были для острастки «украшены» отрубленными руками, ногами и головами ближайших сподвижников казненного инки. Дом инки был спален дотла, поля посыпаны солью, документы, подтверждавшие его происхождение, сожжены. Должность кураки переставала наследоваться, знатым индейцам впредь запрещалось носить традиционную одежду инкской аристократии, всем индейцам предписывалось носить только испанский костюм. Нельзя было ставить древние комедии и драмы и говорить на родном языке индейцев — кечуа⁸. Так трагически окончилось самое крупное индейское восстание против испанского колониального господства.

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ

Удалось ли Тупак Амару объединить вокруг своих лозунгов различные слои перуанского общества? Частично да. Среди попавших в плен вместе с Тупак Амару девять человек были креолами, четверо — бывшими рабами-неграми, остальные — индейцы и метисы. Из креолов выделялись Диего Бердехо, командир, Мельчор Артеага — майордом, Рамон Понсе — артиллерист, Мануэль Гальегильос — писарь. На стороне восставших выступила и часть католического духовенства: так, священник Васкес де Веласко писал для Тупак Амару воззвания. Хосе Марури снабжал инку людьми и деньгами. Ильдефонсо Бехарано, настоятель прихода в Тунгасуке, активный сторонник Тупак Амару, после подавления восстания был выслан в Испанию и заключен в монастырь Св. Франсиска в Кадисе⁹. Подавляющее же большинство католического клира было настроено пророялистски; они снабдили испанскую администрацию значительной суммой «личных сбережений» (более 100 тыс. песо) и даже приняли непосредственное участие в военных действиях.

Основную опору Тупак Амару составили угнетенные массы метисов и индейцев. Однако среди индейцев не было единства; восстание Тупак Амару было в значительной степени подавлено благодаря усилиям индейских касиков, оставшихся верными испанской короне: касик Санта Роса обеспечил бесперебойное снабжение Куско из Лимы по стратегически важному мосту через р. Апуримак; Матео Пумакача, один из потомков инкской династии, за успехи в борьбе с восставшими получил звание пол-

⁷ B. L e w i n. La insurrección de Túpac Amaru, p. 58.

⁸ L. E. F i s h e r. Op. cit., p. 223—224.

⁹ Ibid., p. 99—100, 113.

ковника ¹⁰. Мануэль Чукиниа был удостоен ежегодной пенсии в 500 песо. Недаром, епископ Москосо считал, что, если бы все индейские вожди поддерживали Тупак Амару, восстание в Тинте было бы успешным, а вице-король оказался бы в весьма тяжелом положении ¹¹. Эта поляризация индейской знати, начавшаяся еще со времен конкисты, доказывает, что испанскому правительству удалось перетянуть на свою сторону значительную часть индейской верхушки и, поделившись с ней куском колониального пирога, превратить ее в орудие эксплуатации индейских масс.

Однако не только отсутствие единства в рядах индейцев подорвало изнутри движение Тупак Амару. На его судьбе сказались и социально-расовые противоречия, присущие кастовому иерархическому обществу, каким было колониальное Перу. Метисы, оторвавшиеся от индейских корней, и мулаты, уравненные с ними в правах к XVIII в., стремились приблизиться к креолам, одновременно противопоставляя себя наиболее угнетенной массе индейцев и рабов. Креолы же активно сопротивлялись этому наступлению, видя в нем угрозу тем привилегиям, которыми они пользовались по сравнению с метисами и мулатами ¹². Разрешить этот клубок противоречий во времена Тупак Амару Второго было делом необычайно сложным. И если выдающемуся индейскому вождю не удалось разрубить этот гордиев узел, то стоит помнить, что проблемы, с которыми он столкнулся 200 лет назад, не потеряли своей остроты и не нашли должного разрешения и по сей день. Тем не менее несмотря на то, что Тупак Амару не удалось осуществить провозглашенные им лозунги, его политическая прозорливость, предвосхищение освободительных идей, высокий гуманизм революционной программы характеризуют этого индейского вождя как выдающегося политического и государственного деятеля. Тупак Амару был вождем освободительной войны, которая по демократизму и прогрессивности своих лозунгов превзошла даже войну за независимость, развернувшуюся в Латинской Америке через 30 лет после его смерти. Недаром последующие поколения воспринимали имя Тупак Амару как символ и знамя восставшей Америки.

О душевной стойкости Тупак Амару и сознании правоты освободительного дела свидетельствует его ответ на предложение генерального визитадора Арече открыть имена соучастников. Ответ гласил: «Мы с вами — единственные заговорщики; вы, ваша милость, который задавил страну невыносимыми поборами, и я, захотевший освободить ее от этой тирании» ¹³.

В литературе, посвященной истории восстания, дебатировался вопрос о том, ставил ли Тупак Амару перед собой цель отделить Перу от Испании и объявить себя «королем» Перу, другими словами, какова была его позитивная программа. Опираясь на анализ письменных документов индейского вождя, перуанский историк Р. Варгас Угарте заключает: «Присваивать ему мысль восстановить трон инков и восстать против короля — значит извращать его собственные слова и искажать его позицию, которой он не изменил до последнего момента» ¹⁴. Однако это формальная позиция. Видный аргентинский историк Б. Левин, автор монументального труда о движении Тупак Амару, отмеченного специальной премией ¹⁵, полагает, что подобные утверждения — прямой результат «недостаточного знания эпохи», и со своей стороны приводит от-

¹⁰ Своеобразно сложилась дальнейшая судьба этого видного представителя индейской аристократии. Специально отмеченный королевскими властями — епископом Москосо, вице-королем Хаурегги, самим Арече за активное сотрудничество в деле подавления движения, Пумакауча четверть века спустя, в 1814 г., в разгар войны за независимость, сам возглавил индейское восстание против облагодетельствовавшей его когда-то испанской короны. Логика исторических событий заставила его пойти путем Тупак Амару. Чтобы понять это, ему потребовалась целая жизнь. В 1815 г. в возрасте 75 лет он был повешен роялистами. — «Mateo García Pumacahua». — «Biblioteca hombres del Peru», t. XVI. Lima, 1964.

¹¹ D. Valcárcel. La rebelión de Túpac Amaru. México — Buenos Aires, 1947, p. 55.

¹² См. М. Мёрнер. Мисдегенация и взаимовлияние культур в Латинской Америке как историческая проблема. — «Расы и народы», т. I. М., 1971, стр. 198—199.

¹³ B. Lewin. La insurrección de Túpac Amaru, p. 106.

¹⁴ R. Vargas Ugarte. Historia del Perú. Virreinato. Lima, 1956, p. 405—408.

¹⁵ B. Lewin. Túpac Amaru, el rebelde. Su época, sus luchas y su influencia en el continente. Buenos Aires, 1943.

дельные факты, подтверждающие намерение инки порвать узы с метрополией. Так. Тупак Амару заставлял священников принимать себя с королевскими почестями, в переписке с женой именовал себя не иначе как «*Soberano Señor*» (Верховный сеньор). Б. Левин упоминает также об известном документе, найденном в багаже плененного инки, в котором он провозглашался королем Америки под именем Хосе I. 24 марта 1781 г. похожее воззвание появилось в селении Силос (Новая Гранада). Миранда вручил копию этого документа Вильяму Питту вместе с другими бумагами, подтверждавшими наличие освободительных движений в испанских колониях¹⁶.

Однако ни в одном своем обращении или воззвании, написанном при жизни, Тупак Амару не заявил в полный голос о намерении отделиться от Испании, и в числе выдвигавшихся им лозунгов мы не найдем этого призыва. Возможно, он колебался или до поры до времени скрывал свои намерения, выжидая более подходящего момента, который так и не наступил. Во всяком случае, вплоть до последнего допроса он отрицал существование у него подобного плана¹⁷.

Надо учесть и то, что, сложная, импульсивная натура, Тупак Амару не был до конца последователен. Он действительно горячо верил в охранительную благотворную миссию «Законов Индий» по отношению к индейцам. Однако сказать на этом основании, что индейский вождь добивался лишь реформы, улучшения колониального управления, как утверждает современный перуанский историк Х. Росалес Агирре¹⁸, значило бы сказать полуправду. Обратившись к такому революционному методу переустройства мира, как вооруженное восстание, выдвинув лозунг освобождения рабов и единения всех угнетенных сословий колониального Перу, он тем самым шагнул далеко вперед, показав себя не реформатором, а революционером.

Объективной направленностью политических и социальных реформ движение его было нацелено на уничтожение ненавистных для всех угнетенных сословий феодальных и колониальных институтов и тем самым на разрушение самих основ колониального режима. Вот почему в глазах своих сподвижников, в глазах метисов и креолов, угнетенного индейского крестьянства Тупак Амару был «королем-инкой» — для современников восстания не было сомнения, что речь шла о движении в направлении независимости. Есть свидетельства того, что Тупак Амару пытался сопротивляться этому стихийному, поистине массовому и революционному настроению и волеизъявлению восставших масс. Так, он приказал повесить авторов листовки от 23 декабря 1780 г., в которой его называли «императором», в письме к Арече он объявляет злокозненными «пронски врагов, приписывающих ему желание короноваться»¹⁹. Тем не менее в обращении к жителям г. Котагайта от 19 марта 1781 г., составленном индейским правителем Педро де ла Крус Кондори от имени Тупак Амару, «короля-инки этого обширного вице-королевства Перу», мы читаем: «Его милосердие и любовь не имеют иной цели, как сохранение, мирное спокойствие и облегчение жизни всем соотечественникам, как индейцам, так и испанцам, и метисам, креолам и другим подданным всякого звания или положения, рожденным в наших землях, выволить их из-под бремени и тяжкого ига, от которых и по сей день стонут угнетенные в результате тиранического правления Испании, с его невыносимыми поборами, которые сравнимы лишь со всеобщим рабством, подобным Вавилонскому плену»²⁰.

Весть о том, что «у индейцев есть свой король-инка, который настроен против испанцев и благоприятствует простому люду», с быстротой молнии разошлась среди жителей Горного Перу и северной Аргентины: такой вывод для себя сделали индейцы и метисы из воззваний и обращений Тупак Амару. Показательно, что среди пунктов

¹⁶ B. L e w i n. *La insurrección de Túpac Amaru*, p. 104—106.

¹⁷ О предьявленном ему судьями воззвании, в котором он провозглашался королем, Тупак Амару заявил, что оно было найдено среди вещей неизвестного ему убитого испанца и что в составлении его он не принимал никакого участия. Этот загадочный документ вызвал большую дискуссию, полную детективных подробностей; одни авторы утверждали, что инка отрицал всякую связь с этим документом, чтобы облегчить свою судьбу, другие, — что это фальшивка, подброшенная в багаж инки его врагами.

¹⁸ J. Rosales Aguirre. J. G. Túpac Amaru. — «Biblioteca hombres del Perú», t. XI. Lima, 1964, p. 5.

¹⁹ L. E. Fisher. *Op. cit.*, p. 110; M. de Odrizola. *Op. cit.*, p. 152.

²⁰ M. de Odrizola. *Op. cit.*, p. 41.

обвинения, составленного Арече и королевским судьей Мата Линаресом, фигурировало и «стремление к независимости» в качестве самого «страшного преступления» восставшего инки. В опубликованном варианте обвинения слово «независимость» было вычеркнуто, дабы не наводить на опасные размышления.

То, что движение, начатое Тупак Амару, было объективным требованием времени, несло в себе далеко идущий революционный заряд и соответствовало насущным чаяниям масс, подтверждается и тем, что с гибелью Тупак Амару восстание не только не выдохлось, но разрослось вширь.

КАЗНЕННЫМ, НО НЕ ПОБЕЖДЕННЫМ

«Все принятые мною меры должны в скором времени привести к полному умиротворению наших провинций».

Из письма генерального викариадора Арече вице-королю Ла-Платы маркизу Вертису.

Залив потоками крови города и села Перу, уничтожив сотни арестованных повстанцев и невинных жертв, поразив жестокостью и садизмом весь мир, королевский эмиссар Арече посчитал было свою «умиротворяющую» миссию законченной. Однако грозные события, последовавшие вслед за пленением и казнью инки, опрокинули все его расчеты.

Оставшиеся на свободе брат казненного инки — Диего, а также сын Мариано и племянник Андрес продолжили борьбу с испанским колониальным режимом. Очаг восстания был перенесен южнее и вскоре охватил всю нагорную область и прилегающие районы. Столицей восставших стал поселок Асангаро, в провинции того же названия на юго-востоке от озера Титикака. Интерес самого Тупак Амару, так же как и его последователей, к пограничной области между вице-королевствами Перу и Ла-Платой не был случайным. Здесь в августе 1779 г. — за год до его восстания — началось массовое антииспанское движение индейцев кечуа и аймара, возглавленное знатным индейцем Томасом Катари и его братьями. События, разыгравшиеся на нагорье, стали предысторией восстания Тупак Амару. В конце 1780 г. и начале 1781 г. эти два революционных очага действовали параллельно. 21 марта 1781 г. 40 тыс. индейцев осадили Ла-Пас. Осада продолжалась 109 дней, до конца июня 1781 г.

В середине августа сформировалась новая армия под руководством Андреса Тупак Амару, объединившая индейцев Перу и Ла-Платы. Ее самой крупной военной акцией стала вторичная осада Ла-Паса в августе — октябре 1781 г., которая длилась 64 дня. Повстанцы пытались затопить город, повернув против него воды реки Чокейяпу. Сопровождавшаяся ожесточенными схватками двукратная осада Ла-Паса была, несомненно, одним из самых значительных военных эпизодов индейского восстания 1780—1782 гг. Сильные регулярные подкрепления, присланные из Буэнос-Айреса, положили конец осаде города. Однако ситуация в обоих вице-королевствах продолжала оставаться тревожной и неустойчивой: крайняя разруха, надвигающийся призрак голода, совершенно парализованная торговля, потеря всякого контроля над глубинными районами — все это вынудило испанские власти первыми обратиться к восставшим индейцам с предложением мира.

12 сентября 1781 г. вице-король Перу Хауреги обнародовал указ, в котором обещал всеобщее прощение участникам восстания и освобождение от всяческих налогов на целый год. Однако этот призыв не встретил отклика в рядах восставших, слишком свежи были в памяти подробности расправы над Тупак Амару. Тогда, месяц спустя, в кампанию по умиротворению страны включился епископ Москосо. Он отправил личное послание Диего и Мариано Тупак Амару, уговаривая их сложить оружие. В свете последующей судьбы этих индейских вождей интересно привести строки из него: «Прислушайтесь, дети мои, к голосу вашего пастыря, который молит и зовет вас не для того, чтобы пролить вашу кровь, которым движет не желание вас наказать, а лишь кротость и мягкость, столь свойственные характеру служителя церкви»²¹.

²¹ B. L e w i n. La insurrección de Túpac Amaru, p. 95.

После долгих колебаний Диего Тупак Амару согласился подписать договор о мире, что произошло в селении Сикуани 27 января 1782 г. Испанские власти клятвенно обещали прощение всем повстанцам, в том числе и их вождям, а также отмену миты, подушной подати, десятины. Через год после заключения мира, когда индейцы разоружились и разошлись по своим селениям, начался массовый террор. Диего был арестован 14 марта 1783 г. Его родные — от самых близких до самых дальних, малолетние и престарелые, в том числе Андрес и Мариано (всего более 100 человек) — были схвачены в марте — апреле. 19 июля на главной площади многострадального Куско Диего казнили, предварительно подвергнув жестоким пыткам. Родственники казненного, среди них женщины, грудные младенцы и глубокие старики, были по этапу доставлены из Куско в Лиму. Их ожидало вечное изгнание с родной земли и заточение в одном из испанских монастырей. Всех тех, кто пережил страшную дорогу, погрузили на корабли «Перуано» и «Сан-Педро Алькантара»; в апреле 1784 г. суда покинули перуанский берег и взяли курс на далекую Испанию. Колониальные власти стремились физически уничтожить родственников Тупак Амару. Не случайно, узнав о поимке близких Тупак Амару, королевский двор выразил «полное удовлетворение», так как с пленением Диего и его родственников король считал обеспеченным спокойствие и покорность внутренних районов Перу. Вслед за этим последовал приказ «не оставлять в живых никаких остатков бесстыдной и подлой семьи Тупак Амару»²².

Средний сын Тупак Амару — Мариано (в год казни отца ему было 16 лет) никогда больше не увидел земли: он умер от голода и болезней в смрадном трюме одного из кораблей. Труп его выбросили в море. Иначе сложилась судьба младшего сына, Фернандо. Корабль, на котором он плыл, потерпел крушение близ португальского побережья. По иронии судьбы, мальчик оказался единственным, кому удалось спастись. Измученный, умирающий от голода подросток, побродив три дня на свободе, сам явился к властям. Однако и здесь, за тысячи километров от родной земли, имя этого мальчика внушало страх. Его немедленно упрятали в подземелье монастыря Санта-Каталина в Кадисе и учредили строжайший надзор. После полутора лет заключения, заболев туберкулезом, Фернандо направил письмо на имя Карла III, полное достоинства и недетской горечи. «Не слишком ли много страданий выпало на долю человека, чье единственное преступление состоит только в том, что он родился на свет», — писал он. Его следы теряются в Мадриде на самом пороге XIX столетия. Ему было 26 лет; прикованный к постели тяжелым недугом, он долго и мучительно умирал от «черной меланхолии».

А ведь он мог дожить до войны за независимость и увидеть торжество дела, начатого его отцом, как случилось с его дядей, сводным братом отца — Хуаном Баутистой. Боевой командир, доверенное лицо Тупак Амару, казначей и хранитель ценностей в повстанческой армии, он попал в руки роялистов через два месяца после казни инки. Захваченный новой волной массовых арестов, Хуан Баутиста в сентябре 1783 г. был приговорен к изгнанию и вместе со всеми отправлен морем в Испанию. Затем его сослали в колонию Сеуту, на западном побережье Африки, где он провел на каторге 34 года. В 1822 г. ему удалось бежать в Испанию, а оттуда на борту английского корабля добраться до Буэнос-Айреса. Он ехал домой умирать. Война за независимость шла к победному завершению. Бернардино Ривадавия, выдающийся деятель освободительного движения, президент молодой Аргентинской республики, специальным указом назначил 83-летнему индейцу, жертве испанского деспотизма, ежемесячную пенсию; ему также были обеспечены еда и жилье с тем, чтобы тот написал воспоминания о событиях, участником и очевидцем которых был. Так родились ставшие знаменитыми мемуары под названием «40 лет рабства». Документ, проникнутый горечью пережитых страданий, стал грозным обвинением колониального произвола и своеобразным памятником благородному делу великого повстанца²³.

Однако, как ни стремились испанские власти уничтожить ближайших сподвижников Тупак Амару и его братьев, вырвать самые корни «революционной скверны», влияние восстания вышло далеко за пределы Андско-боливийской области и всколыхнуло не только индейские массы. В начале 1781 г. волнения наблюдались в войсках

²² Ibid., p. 96—97.

²³ J. B. Túpac Amaru, Inca. Las memorias de Túpac Amaru. Lima, 1964.

Ла-Платы и в городах Ла-Риоха, Белен, Тукуман; солдаты, метисы и креолы выказывали открытое неповиновение начальству и дезертировали. Очаги восстаний, вдохновленных именем Тупак Амару, появились в северных провинциях Аргентины — Жужуй и Сальта, к апрелю 1781 г. восстанием была охвачена вся провинция Тукуман. И хотя оно было подавлено, процессы над солдатами, участниками волнений, продолжались в течение нескольких лет. Заговор в пользу Тупак Амару был раскрыт в г. Кито: известный эквадорский писатель Санта Крус-и-Эспехо горячо поддержал его освободительное дело. Антиколониальное движение в соседнем вице-королевстве Новая Гранада, известное в литературе как «Восстание комунерос», также откликнулось на восстание Тупак Амару. В юго-восточном районе страны Льянос де Касанаре креол дон Хавьер Мендоса провозгласил себя губернатором провинции и 18 мая 1781 г. привел восставших жителей к присяге «королю Америки Тупак Амару»²⁴.

Восстание Тупак Амару показало огромную революционную силу индейских масс: после его подавления испанские власти в спешном порядке уничтожили институт коррехидоров, ввели в действие новую систему административного управления колоний, отменили адуану, десятину, подушную подать, официально подтвердили запрещение миты и т. д. В то же время восстание показало и слабость индейского движения: индейцы оставались в значительной степени аморфной, социально неорганизованной массой, они еще не правились в крестьянский класс, «проникнутый революционным духом и отстаивающий свое право на землю», им не хватало связей в национальном масштабе и поэтому они не могли определить своей судьбы²⁵.

Значение восстания Тупак Амару и в связи с этим вклад индейцев кечуа и аймара, народов инкской империи, в борьбу за независимость хорошо осознавали такие деятели борьбы за независимость, как Сан-Мартин, Бельграно, Ривадавия. На заседаниях конгресса в Тукумане в июле — октябре 1816 г. горячо дебатировался вопрос о переносе столицы в глубь Перу и о символическом восстановлении древней монархии инков.

Тупак Амару, великий повстанец, восставший инка XVIII в., предтеча и провозвестник независимости латиноамериканского континента, погиб не напрасно. Его брат Хуан Баутиста, живое олицетворение связи времен, в послании, которое он направил 15 мая 1825 г. Симону Боливару, находившемуся тогда в зените славы, писал: «Если долг друзей родины инков, память о которой так близка и дорога мне, принести поздравление Герою Колумбии и Освободителю многочисленных стран Южной Америки, мое сердце, полное самого ликующего торжества, радуется этому вдвойне. Я прожил 86 лет в тяжких скитаниях, на грани жизни и смерти, чтобы увидеть, наконец, завершение того великого и справедливого дела, которое принесло нам радость обладания правами и свободой; к ней стремился и дон Х. Г. Тупамаро, мой нежный и обожаемый брат, мученик перуанской империи, его кровь была той влагой, которая пропитала эту землю и вырастила на ней лучшие плоды урожая, собранного мужественной рукой великого Боливара»²⁶.

Слова этого последнего представителя инкской династии подтвердили одну очень важную истину: грандиозное восстание, предводительствуемое Тупак Амару, потрясло устои испанской колониальной империи и стало прелюдией к борьбе за независимость. Оно явилось вершиной более чем двухвековой борьбы индейцев за освобождение.

В наши дни, когда в Перу 3 октября 1968 г. к власти пришло правительство генерала Веласко Альварадо, проводящее прогрессивные преобразования, Тупак Амару объявлен национальным героем страны. «Крестьянин! Хозяин больше не сможет наживаться на чужей бедности», — эти слова Тупак Амару приведены в законе об аграрной реформе, которая принесла землю миллионам жителей перуанских Анд. Символическое значение имела и церемония, происходившая в кабинете президента Перу. Со стены был снят портрет «великого конкистадора» Франсиско Писарро; под звуки национального гимна поднялось белое покрывало, и перед глазами собравшихся предстало мужественное лицо легендарного Тупак Амару.

²⁴ B. L e w i n. La insurrección de Túpac Amaru, p. 92.

²⁵ X. K. M a r i a t e g u i. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963, стр. 80, 106.

²⁶ B. L e w i n. La insurrección de Túpac Amaru, p. 110.